

Рассматривая советскую литературу 20-х годов, останавливаюсь на революционно-романтической поэзии. Октябрьский переворот и гражданская война породили плеяду молодых поэтов, бойцов революции, воспевших героiku тех лет.

Одной из главных тем в литературе того времени – в стихах и прозе – стала **тема братоубийства**. Это понятно: что в жизни, то и в литературе. Но самый акт убийства окружён ореолом романтической красоты. И в этот момент герой **Джека Алтаузена (Якова Алтаузена)** в «Балладе о четырёх братьях» чувствует себя героем:

Я трижды падал с крутизны,
Чтоб брат качался под сосной
С лицом старинной желтизны.
Нас годы сделали грубей:
Он захрипел, я сел в седло...

Когда умиравшая от голода и сыпного тифа страна стала отъедаться, очищаться от вшей, когда люди вновь обрели возможность не истреблять, а продолжать свой род, **романтический герой весь устремлён в прошлое** – в гражданскую войну, в стихию «военного коммунизма» (Стихотворение **М. Светлова** «Перед боем»). Мирная обстановка хороша для мещан. Для бойца, романтика, поэта она невыносима. **И он бунтует.**

Лирический герой **Маяковского** («Про это») тоже **воюет с нэпом, с мещанской стихией, силится свершить новую революцию.**

Но есть **другая разновидность романтического героя**. Он невозмутим, непоколебим, обладает стальной выдержкой, негибкой волей. И в военное, и в мирное время **он одинаково твёрдо стоит на ногах**. Таков герой многих стихов **Н. Тихонова**:

Над зелёною гимнастёркой
Чёрных пуговиц литые львы,
Трубка, выжженная махоркой,
И глаза стальной синевы...

Внешний облик супермена, неограниченные физические возможности... **Но главное – геройская устремлённость духа**. Кончилась война, но и в мирное время он не станет бунтовать, суетиться.

А революционные романтики 20-х годов проповедовали **культ силы с позиции пролетарского интернационализма и во имя освобождения человечества**. Самым крупным из поэтов-романтиков был **Эдуард Багрицкий**.

Умирающий от чахотки герой его стихотворения «ТВС» поддается минутной слабости, чувствует, что не в силах больше бороться с вековым укладом жизни. На помощь герою приходит покойник Дзержинский. Его образ нисходит с портрета в простенке. Дзержинский открывает автору смысл и программу жизни, заражает своим примером. В результате нечеловеческих усилий, истощенного напряжения воли апатия преодолена. Полуживой человек отправляется выполнять свой долг. «Железный Феликс» внушил мятущемуся в чахоточном бреду герою безраздельно, безраздумно подчинить себя своему времени, веку:

...если он скажет: «Солги», - солги.
...если он скажет: «Убей», - убей.

Называется это отчуждением личности, когда человек отрешается от собственного «я» и действует, заражаясь чьей-то волей, передоверяя свою совесть и свой разум какой-то высшей силе.

В эту пору жестокие мотивы в литературе нашли логическое завершение. В 20-е годы поэты работали не за страх, а за совесть. Отчуждение совести совмещалось с искренностью убеждений. И это была искренняя, а потому настоящая литература.

Романтическая поэзия 20-х годов была неотразимо привлекательной для молодых поколений. Сама жизнь питала литературу жестокими идеями, а та, в свою очередь, оказывала обратное влияние, формируя потребный данному укладу жизни тип человека.

Но не одними жестокими идеями была наполнена советская поэзия, как и революция, вызвавшая эту поэзию к жизни. Было и другое. Были **превосходные романтические стихи**. Например, светловская «Гренада». Или чудесное создание Иосифа Уткина «Поэма о рыжем Мотеле»... Главные особенности комсомольских поэтов – «детей революции» - это **романтизация революционной борьбы и «военного коммунизма», воспевание особых качеств молодых бойцов за новую жизнь, отражение представлений о светлом будущем.**

Однако сегодня, в 21-ом столетии, зная историческую перспективу 20-х, читатель вправе иронизировать над почти детской непосредственностью романтического героя этих стихотворений. И справедливо литературоведы **критикуют** молодых авторов за то, что **они стыдились подлинно человеческих ценностей: сочувствия, милосердия, доброты, любви...и прятали их под кожаной курткой героя-супермена.**

1-я группа. В. Т. Кириллов:

выразительное чтение и анализ стихотворения «Мы».

МЫ...

Владимир Кириллов

Мы войны никогда не хотели.
Жили себе и жили.
И вот опять налетели,
Как вороны закуружили...

Опять в сараи сохи,
Опять коней под седло.
И жены опять, и снохи
Понуро пойдут за село

Прощаться платками белыми
В спины соседям и брату.
Вернулись бы только целыми
В родную теплую хату.

И почему все с кровью,
Ни в долг, ни за грош, а за так

Слезами, потом и с болью
Взращенный пахарем злак,

Должен пойти на потребу
Чьим-то прожорливым ртам?
У них не растется хлеб?
И нет головы к рукам?

Спросите - дадим на завод,
В придачу соху простую.
Идите на свой огород,
Пашите напрополую.

И будете с хлебом и прочим...
Хватит бродить по свету.
Мы же не копыя точим,
Литовки - косить с рассветом.

2-я группа. Н. С. Тихонов: «Мы разучились нищим подавать...»

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор — золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в перекличке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится,
Но этим черным, сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

3-я группа. В. В. Хлебников:

выразительное чтение и анализ стихотворения «Не шалить!»

Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях — рысках
Чтоб катались, глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
А со мной — мои друзья!

Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами — скрипеть
Ночью долгою —
Буду плыть, буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые устрицы.
Кто со мною — в полет?

4-я группа. М. А. Светлов:

выразительное чтение и анализ стихотворения «Гренада».

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Граматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить,
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!